

Тишина на тропическом острове — это неумолчный шум воды. Дыхание океана, как ваше собственное, никогда вас не покидает. Но вот уже две недели, как волн не слышно: их заглушают раскаты грома и навязчивое журчание. Дождь барабанит по крыше, оскальзывается и пластами рушится наземь. Вода плещет и хлещет, шуршит и бурлит. Солнце умерло, твердит она вам.

В сердцевине звуков таится изначальная тишь. Спокойствие тумана и безмолвие льда.

Новобрачные, Гириджа Прасад и Чанда Деви, покорились своему жребию — незнакомцы в спальне, пропитанной желанием и кишасей эмбрионами снов. А сны у Гириджи Прасада в последнее время неистовы. Ибо ливни способствуют фантазиям — такова ненаучная истина.

Посреди ночи извержение вдруг прекращается, и это будит его. Он успел притерпеться к тропической какофонии, как один из супругов — к храпу другого. Очнувшись от эротических грез, он пытается понять, что случилось. Кто покинул комнату?

Он смотрит с большой кровати вниз — туда, где на простой циновке лежит Чанда Деви, лицом к открытому окну, а не к нему. Возбужденный, скользит глазами по изгибам ее тела в полутьме. В день свадебной церемонии, когда они закрепляли свой союз на несколько рождений, обходя вокруг священного костра семь раз, она послушно ступала за ним следом, твердо уверенная, что судьба опять свела их вместе в новых аватарах. Но в этом воплощении ему придется вновь завоевать место в ее сердце. “А до тех пор, — сообщила она ему в первый же вечер, — я буду стелить себе на полу”.

Сейчас она не спит, расстроенная обличительными криками из потусторонья. Это призрак козленка. Он добрался до их крыши, преодолев бесчисленное множество миров. А теперь его беспокойные копытца спустились под распахнутое окно, наполнив комнату и ее совесть чувством вины.

— Ты слышишь? — спрашивает она, ощутив спиной его взгляд.

— Что?

— Снаружи блеет козленок.

Его напрасная эрекция увядает. Он концентрируется на Чанде Деви и ее тревоге.

— У нас с тобой нет козленка, — с горечью возражает он.

Она садится. Призрак блеет все громче, словно требуя, чтобы она передала своему сонному мужу: “Ты отнял у меня жизнь, но не можешь отнять жизнь после смерти, о плотоядный грешник!”

— Он прямо под нашим окном, — говорит она.

— Ты его боишься?

— Нет.

— Этот козленок тебя напугал?

— Нет.

— Ну так не обращай на него внимания и спи дальше.

Ему хочется добавить “ясно тебе?”, но он не осмеливается взять суровый тон. Его жена, как он уже успел понять, плохо реагирует на логику и принуждение. Да что там — она плохо реагирует чуть ли не на все вообще. Не будь она так соблазнительна, он махнул бы на нее рукой и вернулся ко сну.

— Как ты можешь спать? — спрашивает она. — Ты зарезал невинное существо, изрубил его плоть, зажал ее с луком и чесноком и съел. А теперь его неприкаянная душа осаждает наш дом!

Если бы к нему стеклись души всех животных, которых он употребил в пищу, его дом стал бы похож на что-то среднее между зоопарком и скотным двором. Здесь не то что прилечь — яблоку упасть было бы негде. Но этого кроткий Гириджа Прасад сказать не может. За два месяца брака он научился пасовать перед бурным воображением своей жены, сознательным усилием воли убедил себя в том, что причина ее странного поведения — именно воображение, а не какое-то психическое расстройство. Иначе откуда взять надежду? Ради своих нерожденных детей и тех долгих лет, которые им предстоит продержаться здесь вместе, он заявляет:

— Если это поможет тебе заснуть, я брошу есть мясо.

Так плотоядный Гириджа Прасад становится вегетарианцем — к большому удивлению жены и своему собственному. Он навсегда отказывается от яичницы, телячьих отбивных и *бирьяни** с курицей, выторговав взамен всего лишь несколько часов отдыха.

С первым проблеском рассвета она покидает свою постель. Идет на кухню и готовит сложный завтрак. В ее движениях сквозит новая жизнь, в молчании прячется улыбка. Теперь, когда убийства остановлены, можно выбросить белый флаг — испечь *алу-паратха*** . Два часа спустя она подает их мужу и спрашивает:

— Ну как они?

Гиридже Прасаду не по себе, хотя все, казалось бы, не так уж плохо. Солнце наконец вышло. Жена, которая приготовила для него завтрак в первый раз, словно забыла о робости — она покрыла ему колени салфеткой, снует вокруг, касаясь его плеч, и ее теплое дыхание скользит по его коже. Ему хочется найти утешение в мясе и жире, но их на тарелке нет.

— Ну как они? — снова повторяет она.

— Кто? — озадаченно переспрашивает он.

— Лепешки.

— Чудесные.

Жена сдержанно улыбается и наливает ему вторую чашку чаю.

* Традиционное индийское блюдо из риса с жареным мясом или рыбой, овощами и специями. — *Здесь и далее примеч. перев.*

** Индийские лепешки с картофельной начинкой.

Чанда Деви — ясновидящая. Она чувствует призраков и рада молчаливому обществу деревьев. Чутьем понимает их невысказанные желания. И знает, что отказ мужа от плоти принесет ему пользу. Царство плоти эфемерно и ненадежно, особенно в сравнении с царством растений. У него нет от нее секретов — она видела его до последнего уголка, включая реки крови, которые однажды хлынут из ее собственного тела. И это знание делает Чанду Деви упрямой. Оно обращает ее в требовательную жену.

Отправляясь в Оксфорд, Гириджа Прасад впервые покинул свой родной Аллахабад в одиночку. После четырехдневного путешествия в запряженных лошаадьми повозках, на парамах и в поезде он наконец поднялся на борт корабля, отплывающего в Англию, не взяв с собой ни банок с маринадами, ни *ги-паратха*^{*}, которые могут храниться дольше человеческого века, ни изображений разнообразных богов и членов своей семьи, включая нарисованный им самим портрет матери.

Оставить богов было легко — особенно Раму, послушного сына, бросившего свою жену без внятных причин, и *бабу*^{**} с берега реки, даже и не бога вовсе, а лишь исхудалого донельзя старика, — но расстаться с портретом матери и избежать при этом серьезной

* Тонкие лепешки на топленом сливочном масле.

** Баба — на Востоке духовный учитель, мудрый человек в годах.

душевной травмы казалось невыносимым. Однако перспектива смотреть ей в лицо за морями-океанами сулила худшее. Чтобы пережить разлуку, он должен был начать новую жизнь. Катастрофически новую, при одной мысли о которой у него обострялся геморрой. Выбравшись на бескрайний океанский простор, он укрылся в раковине молчания. Мертворожденные слезы породили стойкий запор. Прилежный исследователь царства растений, Гириджа Прасад предусмотрительно запасся целыми килограммами шелухи семян исабогола, белого подорожника. Для борьбы с другими физическими недомоганиями у него были с собой сушеные листья туласи, кора нима, имбирь, куркума, корица и молотый перец. В Дувре он с трудом убедил таможенников, что не собирается торговать контрабандными пряностями.

В первый же день своего пребывания в Оксфорде Гириджа Прасад Варма превратился в Ваму — так стали звать его местные преподаватели, непривычные к индийским именам. А вечером того же дня он впервые в жизни попробовал спиртное и вдобавок нарушил вековой запрет на употребление *джхута* — еды и напитков, уже оскверненных устами кого-то другого. Когда новички пустили по кругу огромную кружку пива, перед ним встал выбор: сразу и без оглядки принять чужую культуру или вечно топтаться на перепутье. На столе у него больше не было богов и портретов, которые могли бы его предостеречь. Следующим утром ему предстояло отведать яиц. Глядя, как дрожит под его осторожной вилкой подсоленный желтый ша-

рик, он ощутил (и позже это ощущение только усиливалось), как сложна и непредсказуема жизнь.

Спустя пять лет Гириджа Прасад Варма, первый индийский стипендиат Содружества, вернулся домой с докторской диссертацией, которую он закончил двумя словами на родном языке: “Джай хинд”. Своему научному руководителю он перевел эти слова как “Индийский народ победит!”. В 1948-м, на первом году независимости, по распоряжению новоиспеченного премьер-министра Индии* Гириджа Прасад взялся за организацию Государственной службы лесного хозяйства.

Большинство вечерних разговоров среди аллахабадских чаевниц вертелось вокруг дальних и порой весьма замысловатых связей между ними и этим блистательным холостяком. Но чем его привлекли Андаманы? — недоумевали тетушки. Ведь всем известно, что там обитают только голые туземцы, а из приличных людей туда до недавних пор попадали разве что ссыльные, борцы за свободу. Ходят слухи, что на этих островах совсем нет коров и оттого местным жителям приходится пить чай без молока.

Одна из участниц этих бесед, обладательница золотых медалей по математике и санскриту Чанда Деви, почувствовала облегчение. Медали сковывали ее, как пояс верности. Кто осмелится взять в жены умную

* Им был Джавахарлал Неру (1889—1964).

и образованную девушку? Только кто-нибудь, отвечающий еще более высоким стандартам. Вообще-то, будь ее воля, она вышла бы за дерево. Ей одинаково нравились и женщины, и мужчины, мясоеды — еще меньше, а поедатели говядины — меньше всех. Но в 1948-м выдавали замуж даже мизантропов, хотя бы ради увеличения численности рода.

Свести их вместе было суждено согбенному, исхудалому бабё с берегов Сангама — места слияния Ганга, Ямуны и мифической Сарасвати. Эти песчаные берега всегда кишели паломниками, которые пели, стенали и громко молились, создавая у местных лягушек впечатление, будто брачный сезон здесь продолжается круглый год.

Мать Гириджи Прасада, закутанная в *гонгат*^{*}, явилась к старцу с подношением — бананами и гирляндой из солнечных ноготков. Коснулась его ног и заговорила взволнованно, сбивчиво. Ее сын исключительно умен, обладает исключительно высоким статусом, его ждет исключительно светлое будущее. Кроме того, он исключительно красив. Он сохранил черты матери, а отцовский у него только подбородок.

— Так в чем же трудность с вашим сыном, *бехенджи*?^{**} — поинтересовался святой.

— Я не могу найти ему достойную жену!

— Но в чем же трудность? — снова спросил мудрец.

* Головной платок замужних женщин.

** Уважаемая сестра (обращение).

Мать Гириджи Прасада уже собиралась повторить свой ответ. Но, увидев на лице старца улыбку, осеклась. Святые люди имеют манеру говорить загадками и обрывками фраз. В полной тишине баба съел половину банана, взял гирлянду и подбросил в воздух. Та перевернулась несколько раз и упала на плечи погруженной в пение гимнов Чанды Деви, немало ее удивив. Так и был определен брак между мужчиной, который изучал деревья, и женщиной, которая с ними говорила.

— Но как же так, баба? — взмолился отец Чанды Деви — теперь пришел его черед жаловаться. — Моя дочь не говорит по-английски, она убежденная вегетарианка. А этот человек, которого вы ей выбрали, — он написал диссертацию по английским названиям растений, и... и я слышал, что он ест говядину!

Старец очистил другой банан.

— Ты видишь только то, что творится в настоящем, сынок, — сказал он и протянул расстроенному отцу кожуру: пусть поможет ему совладать с метафизическими истинами.

Истина в том, что вместе их свели острова. Чанда Деви мечтала сбежать из своего душного жилища в компанию деревьев. С Гириджей Прасадом все обстояло несколько сложнее.

Хотя острова дали свое имя окружающему их Андаманскому морю, этим их покладистость и ограничилась. Куры здесь сидели на ветвях манго, как голуби. Бабочки, засыпающие на лету, падали, кружась, точно

осенние листья. Крокодилы-аскеты медитировали на опушках мангровых рощ. У видов андаманской флоры и фауны не было названий. В течение очень долгого времени эти острова никто не мог колонизировать, потому что непроходимая чаща хранила в себе не только секреты естествознания. В ней прятались странные племена — остатки народов, в незапамятную пору мигрировавших вдоль берегов Индийского океана. Эти люди предпочитали языковой путанице чтение мыслей и облачались лишь в первобытную ярость. Для защиты от сифилиса цивилизации у них имелись лишь луки и стрелы. Их мир был гигантским островом, который удерживала от распада не гравитация, а огромные лианы.

На этой узловатой нитке островов Гириджа Прасад надеялся вести ту жизнь, о которой мечтал, — уединенную. Истый ученый и бестрепетный холостяк, он обращался с каждой женщиной как с сестрой, теткой или племянницей. Он не замечал, что притягательность девственных лесов объясняется не только их неисследованностью, но еще и перспективой консуммации. Здесь его мир претерпел землетрясение. Однажды на лесной прогулке он увидел дерево, которое на самом деле было двумя переплетенными деревьями, и по его телу пробежала дрожь. Фигус священный обвился вокруг ствола андаманского птерокарпуса высотой в шестьдесят футов. Впервые в жизни Гириджа наткнулся на два взрослых дерева, растущих в коитальном объятии; их кроны заслоняли собой небо. Орхидеи-паразиты нашли опору в этом сплетении. Раковая опухоль высоко на стволе нарушила течение его мыс-

лей своей почти человеческой физиономией — деревья будто смотрели на него в ответ. Бугристые корни расползались по земле бледными удавами. Ему чудилось, что они потихоньку подбираются к нему и замирают у самых его ног. Стоя там, Гириджа Прасад чувствовал себя суетливым муравьем, тянущимся к невозможному.

Так что позже, когда мать принялась подыскивать ему невесту, он не стал возражать. Наука научила его, что все сущее опирается на мужское и женское начала. А острова соблазнили красотой всего сущего.

Через месяц после прихода муссонов четыре стены и крыша, предназначенные для защиты молодоженов от воды, превращаются в чистый символ, что-то вроде теплого пожелания, оставленного напоследок Британией. Ибо дождям удастся проникнуть в самую глубь их бытия. Рушится невидимая стена, и прибывших захлестывают интересы и переживания из другой поры.

Когда Гириджа Прасад прибыл сюда, он верил в полуправды вроде той, что гласит: “Человек — не остров”. Лишь через год он понял, что и остров тоже не остров. Это часть более крупной геологической формации, включающей в себя все земли и океаны мира. В полумиле от дома он обнаружил живое растение, которое раньше находили только как окаменелость на Мадагаскаре и в Центральной Африке.

В день, когда ливням и его роману с бифштексом суждено было завершиться, Гириджа Прасад посвятил

свои рабочие часы изучению предка всех материков. Пангея — сверхконтинент, единое целое, в состав которого входили все нынешние земли. Возможно, он и был объяснением находки неподалеку от его дома, очутившейся на острове, когда индийский субконтинент откололся от Африки и врезался в Азию. Изучая расстеленную перед ним карту мира, Гириджа Прасад сказал вслух: “Невероятный пазл”.

Ночью его дневные труды были вознаграждены сновидениями. Животик Латинской Америки уютно дремал в выемке Западной Африки. Пазл сложился так идеально, что Пангея воскресла. То, что днем казалось хаотической мешаниной из корявых обломков, теперь стало живым существом. С восторгом он увидел, как оно распростерло объятия — широко, от Аляски до русского Дальнего Востока, — как подняло голову и встало на цыпочки, опершись на противоположные полюса. Пангея, восхитительная, как балерина! Это возбудило его. Но прекратившийся вдруг ливень — разбудил. Вынужденный гадать, что могло бы случиться во сне дальше, он спросил себя: а почему континенты вообще решили расползтись? В трещины хлынула вода, ручейки превратились в речушки, те — в огромные реки. И скоро возврат к прежнему стал невозможен.

За одну ночь реки нащупали трещины, которые могли заполниться только океанами. Это в природе воды — поглощать вакуум, иззубренный горными пиками, ущельями и прочими асимметричными объектами. Только глупец может считать берега материков,

песчаные косы и выжженные солнцем клочки земли завершением непрерывной поверхности воды. В лучшем случае это бреши и паузы. Или бессмысленный щебет. Острова — бессмысленный щебет в медитирующем океане.

Он покосился с просторной кровати вниз, на силуэт жены. Интересно, о чем думают континенты? Возможно, Пангея грезила о том, чтобы стать мириадами островов. Возможно, мириады островов грезят сейчас о том, чтобы стать единым целым. Возможно, подобно нелепо одетым морякам, которых рассылали по всему свету сумасшедшие королевы, части света обнаружили, что конец одного мира — это начало другого...

А впрочем, какая разница? — подумал он. Даже имей мы ответы, это не спасло бы нас от одиночества. Как и остров, на котором стоял его дом, он уплыл в океан слишком далеко, чтобы менять путь. Только бог мог помочь ему вынести одиночество, созданное их отдельными постелями. На краткий миг атеисту захотелось поверить в бога.

Атеизм Гириджи Прасада, выросшего в семье ревностных индуистов, не был результатом бунта. Гириджа просто расширил свое мировоззрение, как Пангея во время оно распростерла свои объятия. Неторопливые морские путешествия между Индией и Англией, Калькуттой и Порт-Блэром изменили его. “Когда стоишь на палубе корабля и смотришь на сине-зеленую гладь, ты словно заглядываешь в самую бесконечность, — как-то

написал он брату. — А когда оказываешься один перед лицом бесконечности, тебя волнуют не твои убеждения, а то, что ты отверг”.

Сойтись ближе этой ночью им было не суждено. Континенты, разделенные своими убеждениями, бог — хрупкий перешеек, соединяющий их.

А роль дьявола тогда играл козленок.

“Неужели ты не слышишь, как он блеет?” — спросила она. И у Гириджи Прасада пропала эрекция, в девяносто девятый раз за первые два месяца их брака.